

ВОЙНЫ
ВР
РАЗВЕДОК

РОМАНЫ О СПЕЦСЛУЖБАХ

Станислав Гагарин

Три лица Януса

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Гагарин, Станислав Семенович.

Г12 Три лица Януса / Станислав Гагарин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 416 с. — (Войны разведок. Романы о спецслужбах).

ISBN 978-5-04-182024-4

У разведчиков много имен, много разных личин. Кто же на самом деле этот загадочный Янус, за которым охотятся нацистская контрразведка и гестапо в Кенигсберге в 1944—1945 гг.?

Завораживающий сюжет романа Станислава Гагарина рассказывает о последнем годе войны. Немцы уже подумывают о бегстве в Южную Америку, из плавания не возвращается подводная лодка «Валькирия», немцы используют шведскую промышленность и готовятся к приходу в Германию Красной армии, оставляя подготовленных диверсантов. Во всем этом должен разобраться советский разведчик Сергей, он же Янус, отправляющийся в Кенигсберг.

Виртуозно обманывая немецкие спецслужбы, Янус передает в центр важную информацию и как может приближает победу. В апреле 1945 г. в Кенигсберге начинается паника, гитлеровские разведчики надеются выбраться из города и уйти от возмездия, но Янус (он же майор Вернер фон Шлиден) мешает им в этом, правда, ценой своей жизни...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182024-4

© Гагарин С.С., наследники., 2023
© ООО «Издательство Эксмо», 2023
© ООО «Издательство Яуза», 2023

ЧАСТЬ I

МИССИЯ В КЁНИГСБЕРГЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ВАЛЬКИРИЯ» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

1

В марте 1944 года подводная лодка германского флота «Валькирия» не вернулась из рейса.

Когда истекли контрольные сроки, корабли военно-морской базы, к которой была приписана «Валькирия», приспустили флаги, офицеры надели траурные повязки. В штабе внесли подводную лодку в реестр пропавших без вести кораблей, и родные невернувшихся моряков узнали про их славную гибель в бою с врагами Великого рейха.

Однако мало кто знал, что «Валькирия» вовсе не предназначалась для военных действий. Более того, у нее никогда не было ни одного торпедного аппарата и никакого артиллерийского вооружения. Спаренный пулемет на рубке да пистолеты у офицеров. «Чтобы самому отправить себя в Валгаллу», — мрачно острил Теодор фон Бетман, старший помощник командира субмарины, чистопородный дворянин из Пфальца, эlegantный моряк-наци, поклонник Вагнера и Гете.

Об истинном предназначении подводной лодки знали немногие. Еще в меньшей степени были известны маршруты ее длительных плаваний в океане.

Перед очередным рейсом «Валькирии» начальнику базы вручали секретный пакет, привезенный фельд-курьером из Берлина. Начальник вызывал командира субмарины, и тот в присутствии первых двух вскрывал пакет после регистрации его в специальном журнале. За сургучными печатями скрывался другой конверт, его командир подводной лодки уносил на корабль нераспечатанным. «Валькирия» отдавала швартовы, и только в открытом море, придя в назначенный квадрат, ее командир мог узнать, куда предстоит продолжить курс подводной лодки.

Такая процедура неукоснительно выполнялась перед каждым выходом субмарины. Так было и в январе нынешнего года. «Валькирия» вышла в открытое море. Вышла и не вернулась.

2

Загорелый мускулистый человек ступил из океана на золотистый песок пляжа, отряхнул капли и не торопясь двинулся вдоль кромки воды.

Стоял тот ранний час, когда на пляже Копакабана, что в Рио-де-Жанейро, людей было еще немного. С Атлантического океана тянул освежающий ветер, отодвигая в глубь континента плотное покрывало горячего воздуха, поднимающегося от асфальтовых улиц города.

Этот знаменитый пляж был второй половиной улицы — авениды Атлантика. С другой стороны располагались отели и рестораны, жильцы и посетители которых, перейдя мостовую, могли окунуться в ласковые воды океана.

Человек остановился и ногой шевельнул полузасыпанную бутылку. Потом наклонился, поднял ее,

вытряхнул песок, повертел в руках, вдруг резко размахнулся и далеко забросил ее в воду.

— Здравствуйте, Герман, — обратился к нему пожилой мужчина с рыжеватой шкиперской бородкой и крепко сбитым, совсем не по возрасту, телом. Он лежал на спине шагах в пяти и сейчас приподнялся на локте, прикрывая рукою глаза от светившего с востока солнца.

— Здравствуйте, доктор Зельхов, — ответил Герман и опустился рядом на песок.

— Вы опоздали на пятнадцать минут, — сказал доктор Зельхов.

— Чистейшая случайность, — сказал Герман. — Видите ли...

— Не надо подробностей. Давайте о деле и да пусть обходят вас случайности стороной, мой мальчик. Даже когда вы находитесь дома. Хотите сигарету?

— Благодарю вас, я недавно курил. Шхуна пришла ночью, доктор Зельхов. Команда рассчитана сразу и теперь, наверно, уже пропивает полученные деньги. На судне остались капитан и этот мексиканец Перес.

— Как он работает, Перес? — перебил Германа доктор Зельхов.

— Надежный парень, на него можно положиться. У него слишком темное прошлое, а концы все у меня в руках.

— Но вдвоем они не выведут шхуну из порта?

— Да, конечно, — ответил Герман. — Я подготовил еще двоих. Пятым буду я сам. После перегрузки лишних людей устраним.

— Будьте осторожны. Не забывайте, что правительство этой страны еще в сорок втором объявило

нам войну. И мне не нужны здесь никакие осложнения, Герман.

— Понимаю вас, доктор. Нашим землякам в Бразилии приходится сейчас туго. Где произойдет встреча?

— Квадрат 27–15. Вы должны находиться в нем с двадцати трех часов до полуночи. Сигнал — красный огонь, видимый по всему горизонту, и ниже его зеленые вспышки. Сигнал подаете вы. Они подойдут к вам сами. Их пароль: «Доброе утро!» Вы ответите: «Неисправен компас, ночи сейчас холодные». Разговор вести только на испанском языке.

— Все понимаю, — сказал Герман. — Сегодня в ночь?

— Именно сегодня. Сколько груза на борту?

— Сто шестьдесят тонн, — сказал Герман. — Сто пятьдесят в слитках, остальное в монетах.

Доктор Зельхов поморщился:

— Надо переплавлять все. С монетами опаснее.

Герман пожал плечами.

— Это уже не наша с вами забота, доктор Зельхов, — сказал он.

— Да, — сказал доктор. — Минут через пять уходите, Герман. Сначала в воду. Потом выйдете где-нибудь. Отдохните днем. Сегодня ночью вам предстоит тяжелая работа. И помните: в квадрате 27–15.

— Помню... Хорошо бы работать нам в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Хоть родную речь услышишь.

— Вы слишком наивны, Герман, для столь серьезного дела, которое нам поручили, — сказал доктор Зельхов, отвернувшись от собеседника и рассеянно разглядывая на линии горизонта темные острова-скалы. — Разве не дошла до вас информация о том, что бразильское правительство запретило немецким

колонистам штата Риу-Гранди-ду-Сул разговаривать на их родном языке? Радуйтесь тому, что здесь, в штате Гуанабара, почти нет наших соотечественников, и потому мы можем работать спокойно. Относительно, конечно.

— Знаю я все это, — махнул рукой Герман. — Просчитались мы с дурацким рейдом «Ундербот-507». Надо было топить эти жалкие пять бразильских торговых судов... Что они стоили с теми миллионами тонн, которые отправили на дно наши парни? А эта неумная операция толкнула Бразилию в объятия врагов рейха.

— Неумно поступаете вы, Герман, пытаетесь критиковать действия фюрера. Ладно, ладно, я вас только предостерегаю. Ваше время истекло. Идите...

3

Наивный, по мнению доктора Зельхова, Герман Краузе, сотрудник специальной группы РСХА¹, выполняющей в Бразилии особое задание рейха, в общем-то, был прав, называя неразумными действия германской субмарины «У-507», которая 16 и 17 августа 1942 года потопила у побережья Бразилии пять бразильских гражданских судов. Эта акция вынудила крупнейшее государство Латинской Америки объявить 22 августа 1942 года нацистской Германии и фашистской Италии войну. По иронии судьбы именно в этот день гитлеровцы объявили на весь мир, что их знамя со свастикой развевается на вершине Эльбруса...

Вступив в войну на стороне союзников, Бразилия предоставила им свои аэродромы и порты. Действуя оттуда, объединенные силы антигитлеровской коали-

¹ РСХА — Главное управление имперской безопасности.

ции довольно быстро нейтрализовали попытки субмарин адмирала Дёница заблокировать Южную Атлантику.

Но еще до начала Второй мировой войны президента Бразилии Жетулио Варгаса тревожили активные действия германских нацистов в стране, хотя именно его правительство в 1932 году фактически санкционировало создание профашистской партии «Интегралистское движение», которую возглавил реакционный журналист Плинио Салгадо.

Но одно дело свои, доморощенные интегралисты, а другое — действия германских нацистов на юге страны, где еще в 1824 году была основана первая немецкая колония Сан-Леополду. И Жетулио Варгасу были известны слова фюрера о намерениях рейха относительно его, Варгаса, родины.

«В Бразилии, — нагло утверждал Гитлер, — мы будем иметь новую Германию! Мы имеем особое право на этот континент... Прошло время, когда немцы вынуждены были уступать место Испании и Португалии и играть повсюду роль опоздавших».

Немцы появились в Бразилии сначала в самом южном штате ее, Риу-Гранди-ду-Сул, во времена правления короля Педру I. Занималась переселением их из Германии его жена Леопольдина, потому и нарекли колонисты свое первое поселение, основанное 25 июля 1824 года, Сан-Леополду. Находится этот город к северу от Порту-Алегри, столицы штата.

Первыми колонистами были осужденные преступники и бывшие солдаты. Они создали хорошо организованную систему гражданской обороны и под ее охраной принялись корчевать тропические леса и обрабатывать землю. А на помощь им ехали все новые и новые переселенцы из фатерланда, и уже в описы-

ваемое время число немцев перевалило далеко за миллион человек.

В Первую мировую войну власти несколько умили националистический пыл бразильских немцев, запретив немецкие школы, стрелковые клубы, издательскую деятельность. Но уже в начале двадцатых годов в Порту-Алегри было полтысячи германских предприятий, из Германии ехали священники, основывались новые монастыри, союзы обороны могли при случае поставить под ружье тысячи хорошо обученных волонтеров. В 1940 году в штате существовала тысяча частных немецких школ, в них обучались более 40 тысяч немецких детей. Обучались в соответствующем духе, ведь во всех кинотеатрах шли фильмы, произведенные в Германии, население собиралось у радиоприемников и восторженно внимало речам фюрера, которые со скоростью 300 тысяч километров в секунду пересекали океан и ударялись в сердца тоскующих по фатерланду немцев.

Были созданы заграничные отделения НСДАП, гитлерюгенда, их боевики маршировали по бразильской земле в нацистской форме, распевая: «Сегодня мы завоюем Германию, а завтра весь мир...» Дело принимало нешуточный оборот, в прессе постоянно появлялись сообщения о гитлеровских планах захвата Нового Света.

Ведь именно из южной Бразилии собирался Гитлер завоевывать Латинскую Америку, «прыгнув» сюда через Атлантику после захвата французских колоний в Экваториальной Африке... И соотечественники ждали его с нетерпением, накопив изрядное количество гранат, пулеметов, автоматов и патронов к ним и тайно

обучаясь в джунглях стрелковому искусству и методам диверсионной войны.

Тогда правительство Варгаса вынуждено было принять в 1941 году решительные меры против «собственных», но таких ненадежных немцев. Закрыли их школы и газеты, выходившие на немецком языке с 1824 года, конфисковали радиоприемники и нацистскую литературу, все *бразилейро* германского происхождения были взяты под полицейский надзор, говорить по-немецки разрешалось лишь у себя дома. Были закрыты и церкви.

Бразильское правительство сделало все, чтобы ликвидировать немецкую пятую колонну в стране. Но с профессионалами типа доктора Зельхова справиться куда труднее. Их действия могли парализовать только другие профессионалы, но более высокого класса.

4

Крупный марлин стремительно пошел в атаку. Стайка летучих рыб вырвалась на поверхность океана и на длинных плавниках стремительно заскользила в сгустившейся темноте, спасая жизнь.

Вскоре летучие рыбы опустились в воду. И только одна из стаи, летевшая выше других, не вернулась обратно. Зацепив плавником перископ, она упала под ноги стоящих на мостике субмарины людей, едва не сбив белую фуражку с головы командира лодки.

— Пакость! — выругался командир и пинком отшвырнул летучую рыбу в угол.

— Срок встречи со шхуной через полчаса, — отозвался Теодор фон Бетман, его старший помощник.

— Вы уверены в обсервации нашего места? — спросил командир.

— Вполне, фрегаттен-капитан.

— Хорошо. Тогда подождем.

«Валькирия» с погашенными огнями стояла в квадрате 27–15. Она находилась в позиционном положении: длинный узкий корпус субмарины прятался под водой, и лишь рубка, словно рифовый утес, едва угадывалась в быстро наступающих сумерках.

— Наше место как раз на тропике Козерога, — после минутной паузы нарушил молчание старший помощник.

Ему никто не ответил. Командиру не хотелось говорить, матрос-сигнальщик и боцман не имели права на праздные разговоры, и на мостике «Валькирии» наступила тягостная тишина.

Тем временем шхуна «Ориноко» приближалась к месту встречи. Несколько часов назад под командованием Ганса Древица, немца, родившегося в Аргентине, она вышла из порта Рио-де-Жанейро в открытое море. Портовые власти по заявлению капитана отметили в документах: порт назначения — Санту-Каравелос, груз — швейные машины, команда — пять человек.

Помимо капитана на борту находились его помощник, мрачного вида мексиканец Перес, по слухам отъявленный в прошлом бандит, Герман Краузе, который считался в Бразилии эмигрантом из Чехии по имени Густав Симак, и два матроса с аргентинского парохода, отставшие от судна и соблазненные перспективой подработать немного в этом рейсе. Звали их Джо и Луис.

На шхуне был установлен сильный двигатель с дистанционным управлением из рубки. Он гнал сейчас «Ориноко» в указанный квадрат. Капитан Древиц и Герман Краузе смотрели вперед. Перес стоял на руле, матросы играли в кубрике в кости.

— Кажется, мы прибыли на место, — сказал капитан и сбросил ход до малого.

— Стопорите машину и приготовьте огни. Через пятнадцать минут начнем, — распорядился «чех».

Над морем загорелась красная звездочка, а ниже ее мигнул зеленый огонек...

Им пора уже появиться, — проворчал командир «Валькирии», поднося к глазам светящийся циферблат часов.

— Они могли и опоздать, — ответил фон Бетман.

— А вы уверены, что мы находимся там, где нам следует быть? — снова спросил командир.

Теодор фон Бетман обиженно засопел:

— Я лично проверил расчеты штурмана. Можете посмотреть сами.

— Вижу огни! — крикнул сигнальщик.

Нельзя ли потише, — буркнул командир. — Вы не на загородной прогулке. Боцман, становитесь к штурвалу. Будем подходить. Это, видимо, они. Но будьте осторожны...

...Перегрузка тяжелых ящиков со шхуны на субмарину продолжалась до рассвета. В ней участвовали экипажи обоих судов.

Дважды ходил на подводную лодку Перес и возвращался с бутылкой настоящего шнапса в руках. В один из таких походов, улучив момент, когда в отсеке субмарины никого не было, Перес быстро вынул из внутреннего кармана куртки металлическую плоскую коробку размером с портсигар, нагнулся и засунул ее под одну из многочисленных труб, идущих вдоль внутренней палубы «Валькирии». Потом он не спеша выбрался наружу, перешел на шхуну, отдал бутылку

Герману, выпил предложенные ему «чехом» полстакана и спустился в трюм, где работали Джо и Луис.

К утру все «швейные машины» лежали в стальной утробе «Валькирии». Герман Краузе поднялся на мостик лодки, минут пять поговорил с командиром, склонившись к его уху, тот согласно кивал, затем вернулся на шхуну «Ориноко». Матросы с «Валькирии» отдали концы, и корабли разошлись в разные стороны.

— Пойдем на север, капитан, — сказал Герман. — В порт Ресифи. Перес, станьте к штурвалу. Хочу выдать аванс этим ребятам. Эй, вы! Джо, Луис!

Матросы сидели на трюме, опустив уставшие от ночной работы руки. Услышав зов «чеха», они тяжело поднялись и направились к стоявшему у дверей рубки Герману.

Субмарина «Валькирия» скрылась из виду. Шхуна «Ориноко» набрала уже скорость и быстро удалялась от места встречи на север.

— Вы молодцы, парни, — сказал Герман. — Что скажете в отношении доброго глотка и пары монет авансом?

Джо, здоровенный мулат, радостно засмеялся и подпрыгнул на палубе.

— Хорошо, хозяин, это хорошо, — сказал он.

Луис, длинный худой индеец-полукровка, застенчиво улыбнулся.

— Держите бутылку и деньги, — сказал Герман Краузе. — И можете отдохнуть в кубрике.

Матросы повернулись и плечом к плечу пошли к себе в кубрик на полубак.

Герман Краузе посмотрел на капитана, стоявшего у открытого окна рубки, показал глазами в длинную

спину Луиса и левой рукой достал из шкафчика короткий автомат.

Выстрелы грянули одновременно. Луис споткнулся, ничком упал на палубу, дернулся, затих, и бутылка выпала из его рук, медленно покатилась к фальшборту.

Пуля остановила Джо, словно стена возникла перед ним. Мгновение стоял он, не двигаясь с места, и Герман Краузе стал вновь поднимать короткий автомат.

Только не успел он выстрелить в спину мулата. Джо резко повернулся. На светлой рубашке уже расплылась вишневая клякса.

Джо приближался, а Герман дергал затвором и пятился к рубке. Наконец над притихшим утренним океаном разнесся звук очереди, и пули из автоматной обоймы разодрали в клочья здоровенную грудь мулата.

Он сделал последний шаг.

— Хозяин, — прохрипел Джо, — зачем...

Изо рта мулата показалась кровавая струйка. Глаза его закатились. Он вскинул руки и повалился навзничь на деревянную палубу «Ориноко».

...Субмарина германского флота «Валькирия» некоторое время двигалась в надводном положении. Затем командир приказал начать погружение. Лодка пересекала район интенсивного судоходства, и немецким подводникам вовсе не улыбалась перспектива быть обнаруженными.

Послушайте, Теодор, я посплю пару часов, — обратился командир к фон Бетману. — Идите пока к острову Мартин-Вас. Там привяжемся к суше пеленгами, определим координаты и повернем к экватору. Побудьте здесь вместо меня. Я сменю вас через два часа, Теодор.

Бесшумно работали электромоторы «Валькирии». Вахтенные стояли на своих местах, старший помощник сидел в командирском кресле на центральном посту управления, время от времени наливал из термоса кофе и выпивал его из фарфоровой чашки маленькими глотками. Потом проверял курс и глубину, с тоской думал о немыслимой сейчас сигарете и поглядывал на часы.

Все остальные спали на узких койках, спали без сновидений. Тяжелым сном измученных ночной работой людей.

Теодор фон Бетман сидел на центральном посту управления и думал о превратностях судьбы, забросившей его, блестящего офицера-подводника, в эту жестяную банку, начиненную «швейными машинами» вместо грозных торпед.

Он взглянул на часы и выругал рулевого, отклонившего лодку на три градуса от курса. Потом, сгибаясь в овальных дверях отсеков, пошел в каюту командира.

Дойти Теодору фон Бетману не удалось. Плотный воздух толкнул его в спину. Фон Бетман упал вперед, ударившись подбородком о комингс двери. Боль в подбородке — последнее, что ощутил старший помощник командира.

Рулевой на центральном посту увидел, как развернулась вовнутрь обшивка и черная вода ринулась к нему, чтобы схватить, смять его и уничтожить.

Командир подводной лодки умер не просыпаясь. Матросы в носовом отсеке, оторванном взрывом, но сохранившем герметичность, прожили еще немного. Железная урна, кувыряясь, падала на дно океана, и где-то на третьей сотне метров ее раздавила толща воды.

...В полумиле по правому борту грузового парохода, идущего из Риу-Гранди в Монровию, поднялся и заискрился на солнце водяной купол. Он помедлил мгновение и лопнул, вызвав переполох среди экипажа бразильского парохода «Сао Пауло».

На месте исчезнувшего купола ширилось радужное пятно. Пароход подвернул к нему. Спустили шлюпку, стали подбирать обломки и трупы, выброшенные вместе с воздушным пузырем.

Время было военное, и капитан «Сао Пауло» запретил радисту сообщать о случившемся в эфир. Он попытался определить национальность тех, кого выловили его матросы, но это не представлялось возможным. Ни документов, ни каких-либо примет, кроме признаков расы, капитан не обнаружил.

Трупы были похоронены в океане, а по приходе в свой порт капитан написал о случившемся рапорт судовладельцам. Рапорт был прочитан и спрятан в секретный сейф фирмы. Возможно, он лежит в нем до сих пор.

5

На подводной лодке «Валькирия», исчезнувшей при загадочных для германского командования обстоятельствах, находилось сто шестьдесят тонн никеля в слитках и монетах Соединенных Штатов Америки и Канады.

Никель — блестящий серебристо-белый металл, значащийся в периодической таблице Менделеева под номером 28, тугоплавкий, твердый и неизменяющийся на воздухе, с удельным весом 8,9, который до конца XVIII века химики принимали за «жженный, потерявший душу кобальт», был такой же сложной про-